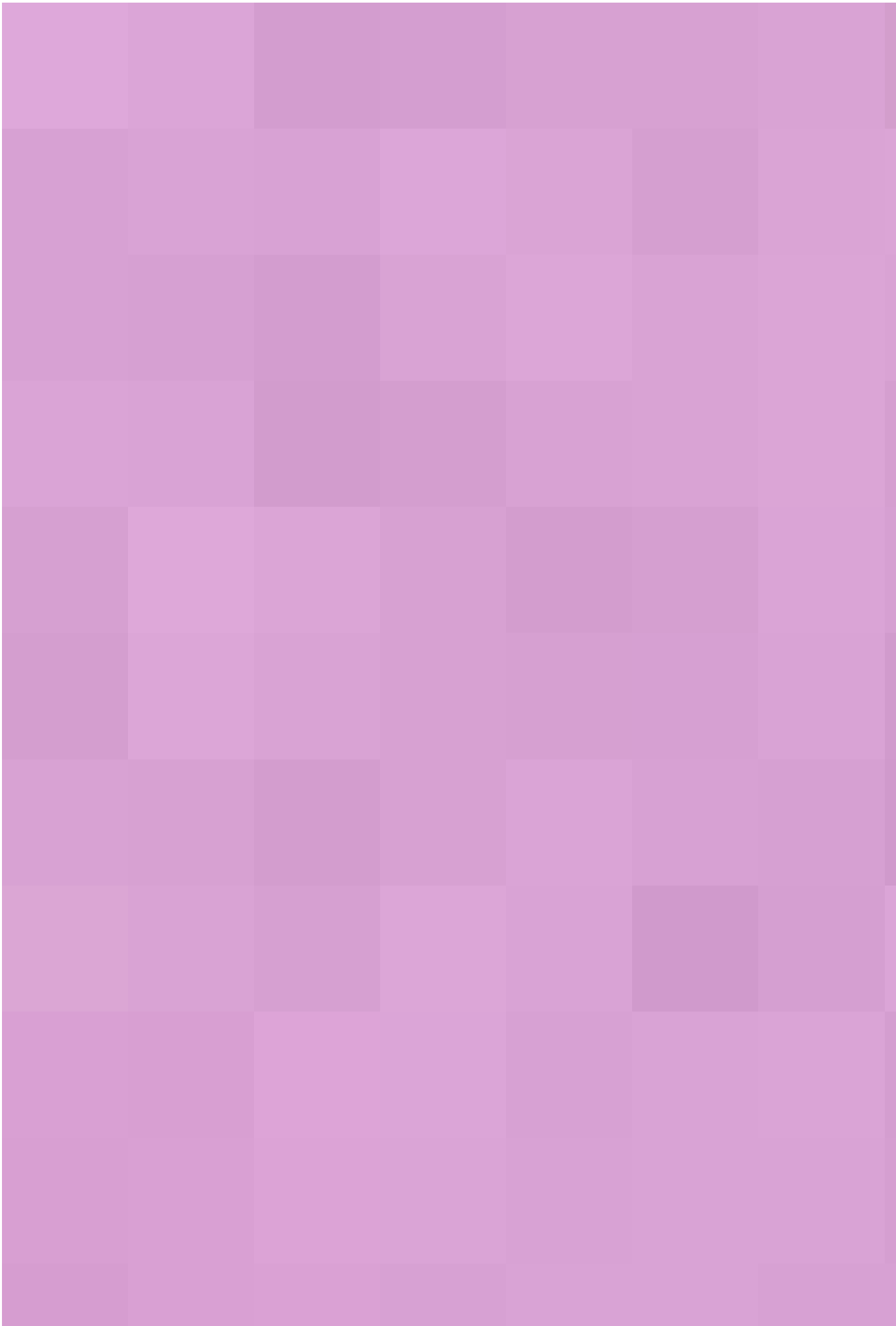




Герберт Джордж Уэллс Первые люди на Луне

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126611

Война миров. Первые люди на Луне: Издательство АСТ; М.; 2015

ISBN 978-5-17-093762-2

Аннотация

«Первые люди на Луне». Яркий, увлекательный роман о приключениях двух энтузиастов, сумевших на шаре, сделанном из особого вещества, достичь Луны и познакомиться с жизнью ее обитателей, селенитов. Идеальное сочетание фантастики, юмора и тонких социальных наблюдений делает это произведение по-прежнему интересным и любимым читателями разных поколений.

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Герберт Уэллс

Первые люди на Луне

© The Literary Executors of the Estate of H.G. Wells

© Перевод. М. Зенкевич, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Три тысячи стадий от Земли до Луны... Не удивляйся, приятель, если я буду говорить тебе о надземных и воздушных материях. Просто я хочу рассказать по порядку мое недавнее путешествие.
«Икароменипп» Лукиана

Глава I

Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом южной Италии, я с удивлением вижу, что мое участие в необыкновенных приключениях мистера Кейвора было чисто случайным. На моем месте мог оказаться любой другой. Я впутался в эту историю в то время, когда меньше всего думал о каких-либо приключениях. Я приехал в Лимпн, считая это место самым тихим и спокойным в мире. «Здесь, во всяком случае, – говорил я себе, – я найду покой и возможность работать».

И в результате – эта книга. Так разбивает судьба все наши планы.

Здесь, быть может, уместно упомянуть, что еще недавно мои дела были очень плохи. Теперь, живя в богатой обстановке, даже приятно вспомнить о нужде. Допускаю даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Вообще я не лишен способностей, но деловые операции не для меня. Но в то время я был молод и самонадеян и среди прочих грехов молодости мог похвастать и уверенностью в своих коммерческих талантах; я молод еще и теперь, но после всех пережитых приключений стал гораздо серьезней, хотя вряд ли это научило меня благоразумию.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, в результате которых я попал в Лимпн, в Кенте. Коммерческие дела связаны с риском, и я рискнул. В этих делах все сводится к тому, чтобы давать и брать, мне же пришлось в конце концов лишь отдавать. Когда я уже почти все ликвидировал, явился неумолимый кредитор. Вы, вероятно, встречали таких воинствующих праведников, а может быть, и сами попадали в их лапы. Он жестоко разделался со мной. Тогда, чтобы не стать на всю жизнь клерком, я решил написать пьесу. У меня есть воображение и вкус, и я решил бороться с судьбой. И дорого продать свою жизнь. Я верил не только в свои коммерческие способности, но и считал себя талантливым драматургом. Это, кажется, довольно распространенное заблуждение. Писание пьес казалось мне делом не менее выгодным, чем деловые операции, и это еще более окрыляло меня. Мало-помалу я привык смотреть на эту ненаписанную драму как на запас про черный день. И когда этот черный день настал, я засел за работу.

Однако вскоре я убедился, что сочинение драмы потребует больше времени, чем я предполагал; сначала я клал на это дело дней десять и прежде всего хотел иметь «*pied-à-terre*»¹, поэтому я и приехал тогда в Лимпн. Мне удалось найти небольшой одноэтажный домик, который я и нанял на три года. Я расставил там кое-какую мебель и решил сам готовить себе еду. Моя стряпня привела бы в ужас миссис Бонд, но, уверяю вас, готовил я недурно и с вдохновением. У меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для сосисок и ветчины и кофейник – вот и вся нехитрая кухонная утварь. Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. Кроме того, я запасся восемнадцатигаллонным ящиком пива – в кредит, конечно, – и отпускающий на веру булочник являлся ко мне ежедневно. Разумеется, устроился я не как сибарит, но у меня бывали и худшие времена. Я немного беспокоился о булочнике – он был славный малый, – однако надеялся, что сумею с ним расплатиться.

Без сомнения, для любителей уединения Лимпн – самое подходящее место. Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой домик стоял на краю старого приморского утеса, откуда за отмелью Ромни-Марш виднелось море. В ненастную погоду место это почти

¹ Временное помещение (фр.).

неприступно, и я слышал, что иногда почтальону приходится перебираться через болота на ходулях. Хотя я не видел сам, но верю этому. Перед дверями лачуг и домишек деревни повсюду торчат воткнутые в землю березовые веники для очистки обуви от налипшей глины, и по одному этому можно судить, какая тут грязь.

Я думаю, что это место осталось бы необитаемым, если бы не наследие давно минувших времен. Когда-то, в эпоху Римской империи, здесь была большая гавань Портус Леманус; с тех пор море отступило на целых четыре мили. На всем склоне крутого холма еще сохранились камни и кирпичи римских построек, и старинная Уотлинг-стрит, до сих пор еще местами замощенная, прямая, как стрела, тянется на север.

Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, о галерах и легионах, о пленниках и начальниках, о женщинах и торговцах, о дельцах вроде меня, о сутолоке и шуме гавани.

А теперь здесь лишь кучи мусора на заросшем травой скате холма, две-три овцы да я!

Там, где была гавань, вплоть до отдаленного Дандженеса, расстилается лишь болотистая равнина с редкими метелками деревьев да церковными башнями старых средневековых городов, которые теперь так же приходят в упадок, как некогда приморский Леманус.

Вид на болото – один из самых красивых, какие мне случалось встречать. Дандженес находится отсюда милях в пятнадцати; он кажется плотом в море, а далее к западу виднеются холмы Хастингса, особенно заметные на закате. Иногда они вырисовываются отчетливо, иногда бывают подернуты дымкой, а в туманную погоду их часто совсем не видно. Вся болотистая равнина исполосована плотинами и канавами.

Окно, у которого я работал, выходило в сторону холмов, и из этого окна я впервые увидел Кейвора. Я корпел над сценарием, стараясь сосредоточиться на трудной работе, и, естественно, Кейвор привлек к себе мое внимание.

Солнце уже закатилось, небо окрасилось в желтый и зеленый цвета, и на фоне заката вдруг появилась темная странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человек с неровными, порывистыми движениями; на нем было пальто и короткие брюки с чулками, как у велосипедиста, а гениальную голову покрывала шапочка, как у игроков в крикет. Зачем он так нарядился, не знаю: он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, все это были случайные вещи. Он размахивал руками, подергивал головой и жужжал – жужжал, как мотор. Вы, наверное, никогда не слышали такого жужжания. Время от времени он прочищал себе горло, невероятно громко откашливаясь.

Недавно прошел дождь, и порывистость его походки усиливалась от скользкой тропинки. Встав прямо против солнца, он остановился, вынул часы и с минуту постоял словно в нерешительности. Потом судорожно повернулся и поспешно пошел назад, не размахивая больше руками, но широко шагая неожиданно большими ногами, которые, помнится, казались еще уродливей от налипшей на подошвы глины; видимо, он очень торопился.

Это случилось как раз в день моего приезда, когда я всецело был поглощен своей пьесой и досадовал, что потерял из-за этого чудака пять драгоценных минут. Я снова принялся за работу. Но когда на следующий день явление повторилось с поразительной точностью и стало повторяться регулярно каждый вечер, если не было дождя, я уже не мог сосредоточиться над сценарием. «Это не человек, а какая-то марионетка; можно подумать, что он нарочно так двигается», – сказал я с досадой, проклиная его от всего сердца.

Но скоро досада сменилась удивлением и любопытством. Зачем он это проделывает? На четырнадцатый вечер я не выдержал, и как только незнакомец появился, открыл широкое окно, прошел через веранду и направился к тому месту, где он всегда останавливался.

Когда я подошел, он держал в руке часы. У него было круглое румяное лицо с красноватыми карими глазами; раньше я видел его лишь против света.

– Одну минуту, сэр, – сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Одну минуту, – промолвил он, – извольте. Если же вы желаете говорить со мной дольше и не будете задавать слишком много вопросов – ваша минута уже прошла, – то не угодно ли вам проводить меня?

– Охотно, – ответил я, поравнявшись с ним.

– У меня свои привычки. И время для бесед ограничено.

– В это время вы обычно прогуливаетесь?

– Да, я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

– Не думаю.

– Сэр!

– Вы никогда не смотрите на закат.

– Никогда не смотрю?

– Никогда. Я наблюдаю за вами тринадцать вечеров подряд, и вы ни разу не смотрели на закат, ни разу.

Он сдвинул брови, как бы решая какой-то вопрос.

– Все равно я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я гуляю по этой тропинке, через те ворота, – он кивнул головой в сторону, – и кругом...

– Нет, вы никогда так не ходите. Это неправда. Сегодня вечером, например...

– Сегодня вечером! Дайте вспомнить... А! Я только что взглянул на часы и, увидев, что прошло уже три минуты сверх положенного получаса, решил, что гулять уже поздно, и пошел назад.

– Но вы постоянно так делаете.

Он посмотрел на меня и задумался:

– Может быть. Пожалуй, вы правы... Но о чем вы желали поговорить со мной?

– Вот именно об этом.

– Об этом?

– Да, зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда жужжать.

– Жужжать?

– Да. Вот так.

И я изобразил его жужжание.

Он посмотрел на меня: очевидно, звук ему не понравился.

– Разве я так делаю?

– Каждый вечер.

– А я и не замечал. – Он остановился и посмотрел на меня серьезно. – Неужели, – сказал он, – у меня уже образовалась привычка?

– Похоже на то. Не правда ли?

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами и уставился в лужу у своих ног.

– Мой мозг все время занят, – сказал он. – Значит, вы хотите знать, почему я это делаю? Уверяю вас, сэр, что я сам не знаю почему, я даже не замечаю этого. А ведь, пожалуй, вы правы: я никогда не заходил дальше этого поля... И это мешает вам?

Я несколько смягчился.

– Не мешает, – сказал я. – Но вообразите, что вы пишете пьесу.

– Не могу этого вообразить.

– Тогда представьте, что занимаетесь чем-нибудь, что требует сосредоточенности.

– Да, конечно, – сказал он и задумался.

Он казался таким огорченным, и я смягчился еще больше. К тому же с моей стороны было довольно невежливо требовать от незнакомого человека объяснений, зачем он жужжит в общественном месте.

– Вы видите, – сказал он робко, – это уже привычка.

– Вполне согласен с вами.

– Это надо прекратить.

– Зачем же, если вам нравится? Притом я не так уж занят, у меня нечто вроде отпуска.

– Вовсе нет, – возразил он, – вовсе нет. Я очень обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Я постараюсь. Могу я попросить вас воспроизвести еще раз это жужжание?

– Вот так, – сказал я, – «ж-ж-ж-ж»... Но знаете...

– Я очень вам обязан. Действительно, я рассеян до нелепости. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это прекратится. А теперь, сэр, я уже увел вас дальше, чем следует.

– Надеюсь, вы не обиделись...

– Нисколько, сэр, нисколько.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он порывисто раскланялся, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося незнакомца. Его манеры резко изменились; он шел, прихрамывая, весь съежившись. Этот контраст с его оживленной жестикуляцией, с жужжанием почему-то странно растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, и, от всей души жалея, что полез в чужие дела, поспешно вернулся в домик, к своей пьесе.

Следующие два вечера он не появлялся. Но я все время думал о нем и решил, что как комический тип сентиментального чудака он мог бы, пожалуй, войти в мою пьесу. На третий день он зашел ко мне.

Сначала я недоумевал, почему он пришел: он вел безразличный разговор самым официальным образом, а затем вдруг перешел к делу. Он желал купить у меня домик.

– Видите ли, – сказал он, – я нисколько не сержусь на вас, но вы нарушили мои старые привычки, мой дневной распорядок. Я гуляю здесь уже много лет – целые годы! Конечно, я жужжал... Вы сделали это невозможным!

Я заметил, что он мог найти другое место для прогулок.

– Нет. Здесь нет другого такого места. Это единственное. Я уже справлялся. И теперь после обеда, в четыре часа, я не знаю, куда мне деваться.

– Ну, дорогой сэр, если это так важно для вас...

– Чрезвычайно важно. Видите ли, я... я исследователь. Я занят научными изысканиями. Я живу... – Он запнулся и, видно, задумался. – Вон там, – закончил он, внезапно махнув рукой и чуть не попав мне в глаз, – в том доме с белыми трубами, за деревьями. И положение мое ужасно, просто ужасно. Я накануне одного из важнейших открытий, уверяю вас, одного из важнейших открытий, какие были когда-либо сделаны. Для этого нужна сосредоточенность, полный покой, энергия. И послеобеденное время было для меня наиболее плодотворным, у меня возникали новые идеи, новые точки зрения.

– Но почему бы вам не приходить сюда по-прежнему?

– Теперь это совсем не то. Я уже не могу забыться. Вместо того чтобы сосредоточиться на своей работе, я буду думать, что вы отрываетесь от вашей пьесы и с раздражением следите за мной... Нет! Мне необходим этот домик.

Я задумался. Конечно, прежде чем ответить что-либо решительное, нужно было взвесить предложение. Я тогда был вообще склонен к аферам, и продажа показалась мне заманчивой. Но, во-первых, домик был не мой, я не смог бы его передать за самую хорошую цену, так как домохозяин пронюхал бы об этой сделке; во-вторых, я был обременен долгами. Это было слишком щепетильное дело. Кроме того, возможно, что Кейвор сделает какое-нибудь важное открытие, – это также интересовало меня. Мне хотелось расспросить подробнее о

его изысканиях – не из корыстных целей, а просто потому, что я рад был отдохнуть от своей пьесы.

Я начал осторожно расспрашивать.

Он оказался словоохотлив, и скоро наша беседа превратилась в монолог. Он говорил, как человек, который долго сдерживался, но самому себе повторял одно и то же много раз, говорил без умолку почти целый час, и должен сознаться: слушать его было нелегко. Но все же в душе я был очень доволен, что нашел предлог не работать. В это первое свидание я мало что понял в его работе. Половина его слов состояла из технических терминов, совершенно мне незнакомых, некоторые же пункты он пояснял при помощи элементарной (как он говорил) математики, записывая вычисления чернильным карандашом на конверте, и эта часть мне вовсе была непонятна. «Да, – говорил я, – да, да... Продолжайте». Тем не менее я убедился, что это не просто маньяк, помешавшийся на своем открытии. Несмотря на чудаковатый вид, в нем чувствовалась сила. Во всяком случае, из его планов вполне могло что-нибудь выйти. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, простых плотника, которых он приспособил к делу. А ведь от мастерской до бюро патентов – один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился и всячески постарался подчеркнуть свой интерес. К продаже моего домика мы, к счастью, больше не возвращались.

Наконец он собрался уходить, извиняясь за продолжительный визит. Беседа о своей работе, по его словам, для него редкое удовольствие. Не часто приходится встретить такого образованного слушателя, как я. С профессиональными же учеными он не общается.

– Они так мелочны, – жаловался он, – такие интриганы! В особенности когда возникает новая интересная идея – плодотворная идея... Я не хочу быть несправедливым, но...

Я человек импульсивный и сделал, может быть, необдуманное предложение. Но вспомните, что я уже две недели сидел в одиночестве в Лимпне над пьесой и чувствовал себя виноватым в том, что нарушил его прогулки.

– А почему бы, – предложил я, – вместо старой привычки, которую я нарушил, вам не завести новую и не бывать у меня? По крайней мере до тех пор, пока мы не решим вопрос о продаже дома. Вам нужно обдумывать вашу работу. Вы делали это всегда во время послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулки эти расстроились безвозвратно. Так почему бы вам не приходить ко мне поговорить о вашей работе, пользуясь мною как стеной, в которую вы можете, словно мячик, бросать свои мысли и ловить их? Я, безусловно, не настолько сведущ, чтобы похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Я умолк, и он задумался. Очевидно, мое предложение понравилось ему.

– Но я боюсь наскучить вам, – сказал он.

– Вы думаете, что я настолько туп?

– О нет, но технические подробности...

– Вы очень заинтересовали меня сегодня.

– Конечно, это было бы полезно для меня. Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. До сих пор...

– Ни слова больше, сэр...

– Но можете ли вы уделять мне время?

– Лучший отдых – это перемена занятий, – убежденно проговорил я.

Он согласился. На ступеньках веранды он обернулся и сказал:

– Я вам очень благодарен.

– За что?

– Вы излечили меня от смешной привычки жужжать.

Кажется, я ответил, что рад оказать ему хоть такую услугу, и он ушел.

Но, вероятно, поток мыслей, вызванный нашей беседой, вновь увлек его. Он начал размахивать руками, как прежде. Слабый отзвук его жужжания донесся до меня по ветру...

Но какое мне до этого дело?

Он явился на другой день и на третий и, к нашему обоюдному удовольствию, прочел мне две лекции по физике. С видом настоящего ученого он говорил об «эфире» и о «силовых цилиндрах», о «потенциале тяготения» и тому подобных вещах, а я сидел в другом кресле и поощрял его замечаниями «да, да», «продолжайте», «понимаю».

Все это было ужасно трудно, но он, кажется, и не подозревал, что я его совсем не понимаю. Иногда я готов был раскаться в своей оплошности, но, во всяком случае, я радовался, что оторвался от этой проклятой пьесы. Подчас я начинал что-то смутно понимать, но потом снова терял нить. Порой внимание ослабевало настолько, что я тупо смотрел на него и думал, не стоит ли просто вывести его в виде центральной комической фигуры в своей пьесе и плюнуть на всю эту науку. Но тут я вдруг снова что-то улавливал.

При первом удобном случае я пошел посмотреть его дом, довольно большой, небрежно меблированный, без всякой прислуги, кроме трех помощников. Стол его, так же как и частная жизнь, отличался философской простотой. Он пил воду, ел растительную пищу, вел размеренную жизнь. Но обстановка его дома рассеяла мои сомнения; от подвала до чердака все было подчинено его изобретению – странно было видеть все это в захолустном поселке. Комнаты нижнего этажа заполняли станки и аппараты, в пекарне и в котле прачечной горели настоящие кузнечные горны, в подвале помещались динамо-машины, а в саду висел газометр.

Он показывал мне все это с доверчивостью и рвением человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась приступом откровенности, и мне посчастливилось стать зрителем и слушателем.

Три его помощника были, что называется, «мастера на все руки». Добросовестные, хотя и малосведущие, выносливые, обходительные, трудолюбивые. Один, Спаргус, исполнявший обязанности повара и слесаря, был прежде матросом. Второй, Гиббс, был столяр; третий же, бывший садовник, занимал место главного помощника. Все трое были простые рабочие. Всю квалифицированную работу выполнял сам Кейвор. Они были еще более невежественны, чем я.

А теперь несколько слов о самом изобретении. Тут, к несчастью, возникает серьезное затруднение. Я совсем не ученый эксперт и, если бы попробовал излагать цель опытов научным языком самого мистера Кейвора, то, наверное, не только спутал бы читателя, но и сам запутался бы и наделал таких ошибок, что меня поднял бы на смех любой студент – математик или физик. Поэтому лучше передать свои впечатления попросту, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею никакого права.

Целью изысканий мистера Кейвора было вещество, которое должно было быть непроницаемо (он-то употреблял другое слово, но я его позабыл, а этот термин верно выражает его мысль) для «всех форм лучистой энергии».

– Лучистая энергия, – объяснял он мне, – подобна свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, о которых так много говорили с год тому назад, или электрическим волнам Маркони, или тяготению.

Она так же, – говорил он, – излучается из центра и действует на другие тела на расстоянии, отсюда и происходит термин «лучистая энергия». Почти все вещества непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, непроницаемо для света, но менее непроницаемо для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня; квасцы тоже непроницаемы для света, но совершенно не пропускают теплоты. Раствор йода в двусернистом углероде не пропускает света, но непроницаем для теплоты. Он скрывает для нас

огонь, но сообщает всю его теплоту. Металлы непроницаемы не только для света, но и для электромагнитных волн, которые легко проходят через раствор йода и стекло. И так далее.

Все известные нам вещества «проницаемы» для тяготения. Можно употреблять различные экраны для защиты от света или теплоты, от электрической энергии Солнца или от теплоты Земли, можно защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не может защитить от тяготения Солнца или от притяжения Земли. Почему – это трудно сказать. Кейвор не видел причины, почему не могло быть такого преграждающего влияния притяжения вещества, и я, конечно, ничего не мог ему возразить. Я никогда ранее не думал об этом. Он доказал мне вычислениями на бумаге (которые, без сомнения, уразумели бы лорд Келвин, или профессор Лодж, или профессор Карл Пирсон, или какой-нибудь другой ученый, но в которых я был безнадежным тупицей), что подобное вещество не только возможно, но и должно удовлетворять известным условиям. Это была удивительная цепь логических рассуждений; они поразили меня и многое прояснили, хотя я и не могу их повторить. «Да, – говорил я, – да, продолжайте». Достаточно сказать, что Кейвор полагал возможным сделать вещество, непроницаемое для притяжения, из сложного сплава металлов и какого-то нового элемента, кажется, гелия, присланного ему из Лондона в запечатанных глиняных сосудах. Эта подробность позже вызвала сомнение, но я почти уверен, что в запечатанных сосудах был именно гелий. Это было наверняка нечто газообразное и разреженное – жаль, что я тогда не делал заметок...

Но мог ли я предвидеть, что они понадобятся? Всякий человек, обладающий хоть малой долей воображения, поймет, как необычайно подобное вещество, и разделит до некоторой степени мое волнение, когда я начал понемногу понимать туманные выражения Кейвора. Вот вам и комический персонаж! Конечно, я не сразу понял и не сразу поверил, что начинаю понимать, так как боялся задавать ему вопросы, чтобы не показать всю глубину своего невежества. Но, вероятно, никто из читателей не разделит моего волнения, потому что из моего бестолкового рассказа невозможно понять, насколько глубоко я был убежден, что это удивительное вещество будет найдено.

Я не помню, чтобы после моего визита к Кейвору я уделял хотя бы час в день своей пьесе. Мое воображение было теперь занято другим. Казалось, что нет предела удивительным свойствам этого вещества. Какие чудеса, какой переворот во всем! Например, для поднятия тяжести, даже самой громадной, достаточно было бы подложить под нее лист нового вещества, и ее можно было бы поднять соломинкой.

Я, естественно, прежде всего представил себе применение этого вещества в пушках и броненосцах, в военной технике, а затем в судоходстве, на транспорте, в строительном искусстве – словом, в самых различных отраслях промышленности. Случай привел меня к колыбели новой эпохи – а это была, несомненно, эпоха: такой случай выпадает однажды в тысячу лет. Последствия этого открытия были бы бесконечны. Благодаря ему я снова смогу стать дельцом. Мне уже мерещились акционерные компании с филиалами, синдикаты и тресты, патенты и концессии, – они растут, расширяются и, наконец, соединяясь в одну огромную компанию, захватывают в свои руки весь мир.

И я участвую во всем этом!

Я решил действовать напрямик, хотя знал, что это рискованно. Остановиться я уже не мог.

– Мы накануне величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, – сказал я и сделал ударение на слове «мы». – Теперь меня можно отогнать только выстрелами. Я завтра же начинаю работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой энтузиазм удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства. Очевидно, он недооценивал себя.

Он посмотрел на меня с сомнением.

– Вы это серьезно? – спросил он. – А ваша пьеса! Что будет с пьесой?

– К черту пьесу! – воскликнул я. – Дорогой сэр, разве вы не видите, чего вы достигли? Разве вы не видите, куда ведет ваше изобретение?

Это был лишь риторический оборот речи, но чудак действительно ничего не видел. Сначала я просто не верил своим глазам. Ему ничего и в голову не приходило. Этот удивительный человек думал лишь о чистой теории! Если он и говорил о своем исследовании как о «важнейшем» из всех, какие только были в мире, то он просто подразумевал под этим, что его изобретение подведет итог множеству теорий и разрешит бесчисленные сомнения. Он думал о практическом применении нового вещества не более чем машина, отливающая пушки. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его!

Только и всего, *v'la toute*, как говорят французы.

Вне своей работы он был сущий ребенок! Если он добьется своего, то вещество перейдет в потомство под названием кейворита или кейворина, он сделается академиком, и портрет его будет помещен в журнале «Nature». Вот и все, о чем он мечтал! Если бы не я, он бросил бы в мир бомбу своего открытия, как будто это был новый вид комара. И бомба лежала бы и шипела, такая же ненужная, как и прочие мелкие открытия ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить. Кейвору пришлось только слушать и поддакивать. Я вскочил и расхаживал по комнате, жестикулируя, как двадцатилетний юноша. Я пытался объяснить ему его долг и ответственность в этом деле – наш долг и общую ответственность. Я уверял его, что мы приобретаем столько богатств, что сможем произвести целый социальный переворот, сможем владеть и управлять всем миром. Я говорил ему о компаниях, и о патентах, и о сейфе для секретных бумаг; но все это интересовало его столько же, сколько меня его математика. На румянном личике появилось выражение смущения. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я горячо стал ему возражать. Он на пути к богатству – и тут не время смущаться. Я дал ему понять, что я за человек, сказал, что обладаю опытом в коммерческих делах. Конечно, я умолчал о том, что обанкротился, – ведь это была временная неудача – и постарался объяснить, почему я при моих средствах веду такой скромный образ жизни. Скоро мы незаметно пришли к заключению о необходимости учредить компанию по монопольной продаже кейворита. Кейвор будет добывать его, а я буду рекламировать.

Я все время говорил «мы», – слова «я» и «вы» как бы не существовали.

Кейвор хотел, чтобы вся прибыль шла на дальнейшие изыскания, но об этом мы могли сговориться потом.

– Хорошо, хорошо, – поддакивал я. – Главное – добыть кейворит.

– Ведь это такое вещество, – восклицал я восторженно, – без которого не сможет обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, – вещество более универсальное, чем патентованные медикаменты! И каждое из десяти тысяч его возможных применений должно нас обогатить, Кейвор, сказочно обогатить!

– Теперь, – подтвердил Кейвор, – я начинаю понимать. Удивительно, как расширяешь горизонт в беседе с другим человеком!

– В особенности когда поговоришь с подходящим человеком!

– Я думаю, – сказал Кейвор, – что никто не питает отвращения к богатству. Однако... – Он запнулся. Я молча ждал. – Возможно, что нам не удастся добыть это вещество. А что, если это возможно только в теории, а на практике окажется абсурдом? Вдруг мы натолкнемся на препятствия...

– Мы преодолеем все препятствия! – решительно сказал я.

Глава II

Первое изготовление кейворита

Опасения Кейвора не оправдались. 14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено!

Забавно, что открытие произошло случайно, совершенно неожиданно для Кейвора. Он сплавил несколько металлов и еще что-то (жаль, что не знаю состава) и намеревался оставить смесь на неделю, чтобы потом дать ей медленно остынуть. Если он не ошибся в своих вычислениях, то последняя стадия процесса должна была наступить, когда температура приготовленного вещества понизится до шестидесяти градусов по Фаренгейту. Но случайно, без ведома Кейвора, между его помощниками разгорелся спор о том, кому смотреть за печью. Гиббс вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь на то, что каменный уголь – та же земля и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра. Бывший садовник возражал, что каменный уголь – металл или руда, не говоря уже о том, что сам он повар. Спаргус тоже настаивал на том, что это дело Гиббса, так как всем известно, что уголь – ископаемое дерево. Гиббс бросил засыпать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кейвор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем о летательной машине из кейворита (пренебрегая сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями) и поэтому не заметил, что в лаборатории не все благополучно. И преждевременные роды его изобретения произошли в тот момент, когда он шел через поле к моему домику, чтобы побеседовать со мной за чаем. Я очень хорошо помню, как это случилось. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено. Услышав характерный звук жужжания Кейвора, я вышел на веранду. Его подвижная маленькая фигурка темным пятном вырисовывалась на фоне заходящего осеннего солнца, а справа, из-за деревьев, окрашенных светом заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали, на горизонте, синели в дымке холмы Уилдена; влево дымилась туманом болотистая равнина. И вдруг печные трубы взлетели на воздух, рассыпавшись щебнем; за ними последовали крыша и разная мебель. Затем вспыхнуло белое пламя. Деревья раскачивались и вырывались из земли; их разносило в щепы, летевшие в огонь. Громовой удар оглушил меня с такой силой, что я на всю жизнь оглох на одно ухо. Все стекла в окнах разлетелись вдребезги.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кейвора, и в эту минуту налетел ураган.

Фалды пиджака взлетели мне на голову, и я против воли огромными прыжками помчался вперед. В тот же самый миг ветер подхватил и изобретателя, закружил его и поднял на воздух. Я видел, как колпак от одной из печных труб слетел на землю в шести ярдах от меня, подпрыгнул и стремительно понесся к центру взрыва. Кейвор, болтая ногами и размахивая руками, упал и кубарем покатился по земле, потом снова взлетел на воздух, со страшной быстротой понесся вперед и исчез среди корчившихся от жара деревьев около своего дома.

Клубы дыма и пепла и полоса какого-то синеватого блестящего вещества взлетели к зениту. Большой обломок забора промелькнул мимо меня, воткнулся в землю и упал плашмя, – самое худшее миновало. Воздушная буря стихла и превратилась в сильный ветер, и я убедился, что у меня целы ноги, и я могу дышать. Я повернулся против ветра, с трудом остановился и попытался прийти в себя и собраться с мыслями.

Вся природа вокруг точно преобразилась. Спокойный отблеск заката потух, небо задернулось черными тучами, подул порывистый, резкий ветер. Я оглянулся, чтобы посмотреть,

уцелел ли мой домик, затем неверными шагами направился к деревьям, среди которых исчез Кейвор; сквозь длинные оголившиеся ветви блестело пламя горевшего дома.

Я вошел в заросли, перебегая от ствола к стволу, и долго искал Кейвора; наконец у стены сада, среди кучи бурелома и досок от забора, я заметил что-то копошившееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигура встала, и я увидел грязные ноги и бессильно повисшие окровавленные руки. Ветер шевелил вокруг его пояса лохмотья, бывшие когда-то одеждой.

В первую минуту я не узнал этой земляной глыбы, потом разглядел, что это Кейвор, весь облепленный грязью, в которой он вывалился. Он наклонился вперед против ветра, протирая глаза и отплевываясь. Потом протянул грязную руку и, пошатываясь, сделал шаг мне навстречу. Его возбужденное лицо было перепачкано грязью. Он выглядел таким несчастным и жалким, что я очень удивился его замечанию.

– Поздравьте меня, – пробормотал он, – поздравьте меня.

– Поздравить вас? С чем?

– Я сделал это.

– Конечно! А отчего произошел взрыв?

Порыв ветра отнес его слова. Кажется, он сказал, что никакого взрыва не было. Ветер толкал нас, и мы невольно цеплялись друг за друга.

– Попробуем вернуться ко мне! – крикнул я ему в ухо. Но он, очевидно, не расслышал и пробормотал что-то о трех «мучениках науки» и о том, что «это ужасно».

Он думал, что три его помощника погибли при взрыве. К счастью, он ошибся. Как только он пошел ко мне, они отправились в соседний трактир обсудить за бутылкой спорный вопрос о печи.

Я вторично предложил Кейвору вернуться в мой домик, на этот раз он расслышал. Мы взялись под руку и пошли искать приюта под остатками моей крыши. С трудом добравшись до места, мы опустились в кресла, чтобы отдышаться. Все рамы в окнах вылетели, более легкие предметы из мебели попадали на пол, но большого вреда взрыв все же здесь не причинил. К счастью, кухонная дверь устояла против напора и посуда и утварь уцелели, даже керосинка не потухла, и я снова поставил на нее чайник. Сделав это, я вернулся к Кейвору, чтобы выслушать его объяснения.

– Совершенно верно, – повторял он, – совершенно верно, я сделал это. Все идет отлично.

– Как бы не так, – возразил я, – все идет отлично! Наверное, на двадцать миль кругом не уцелело ни одного стога сена, ни одного забора, ни одной соломенной крыши.

– Все идет отлично. Конечно, я не предвидел этого небольшого бесчинства. Я был поглощен другой проблемой и не обратил внимания на побочные практические результаты. Но все идет отлично.

– Как, дорогой сэр, – воскликнул я, – разве вы не видите, что причинили убытков на тысячу фунтов стерлингов?

– Тут придется понадеяться на вашу скромность. Конечно, я не практик, но не думаете ли вы, что все примут это за циклон?

– Однако взрыв...

– Это был не взрыв. Все объясняется очень просто. Я не смог предусмотреть всех мелочей. Это вроде моего жужжания, только в более широком масштабе. По недосмотру я готовил это новое вещество, этот кейворит, в виде тонкого большого листа... – Он запнулся. – Вы же знаете, что вещество это не подчиняется силе тяготения и преграждает взаимное притяжение между телами?

– Да, да, – подтвердил я.

– Как только кейворит достигает температуры шестидесяти градусов по Фаренгейту и процесс его образования заканчивается, сейчас же воздух, часть кровли, потолок, пол перестают иметь вес. Вам известно, это каждый знает, что воздух также имеет вес, что он оказывает давление на любой предмет, на поверхность земли, во всех направлениях с силой, равной четырнадцати с половиной английским фунтам на квадратный дюйм.

– Знаю, продолжайте.

– Я это тоже знаю, – заметил он, – однако это доказывает, как бесполезно знание, если не применять его на практике. Итак, над нашим кейворитом (теперь это уже произошло) давление воздуха сверху прекратилось, воздух же по сторонам кейворита продолжал давить с силой четырнадцати с половиной фунтов на каждый квадратный дюйм того воздуха, который вдруг сделался невесомым. Теперь вы понимаете? Воздух, окружающий кейворит, с непреодолимой силой давил на воздух над ним. Воздух над кейворитом, насильно вытесняемый, шел вверх; притекший же ему на смену воздух с боков тоже потерял вес, перестал производить давление, последовал также кверху, пробил потолок и снес крышу... Таким образом, образовался как бы атмосферный фонтан, печная труба в атмосфере. И если бы сам кейворит не был подвижным и не оказался втянутым в эту трубу, то что произошло бы? Как вы думаете?

Я подумал.

– Полагаю, что воздух устремился бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим силу тяготения.

– Совершенно верно, – подтвердил он, – исполинский фонтан...

– Бьющий в небесное пространство! Бог ты мой! Через него улетучилась бы вся земная атмосфера! Он лишил бы земной шар воздуха. Все люди погибли бы. И все это наделал бы один кусок этого вещества.

– Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, – сказал Кейвор, – но последствия были бы плохие. Воздушная оболочка слетела бы с Земли, как кожура с банана. Воздух поднялся бы на тысячи миль. Потом он опустился бы обратно, но все живое задохнулось бы. С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он совсем не вернулся.

Я смотрел на него ошеломленный и разочарованный в своих надеждах.

– Что вы теперь намерены делать? – спросил я.

– Прежде всего надо достать садовый скребок. Я хочу счистить с себя грязь, а потом, если позволите, принять у вас ванну. После этого мы побеседуем на досуге. Мне кажется, – сказал он, положив мне на плечо грязную руку, – не следует ничего говорить об этом посторонним. Я знаю, что причинил много вреда, – вероятно, пострадали все дома в окрестности. Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за причиненный мной вред, и если причина катастрофы будет оглашена, то это поведет только ко всеобщему озлоблению и помешает моей работе. Нельзя предвидеть всего, а я не могу позволить себе роскошь считаться с практическими результатами моих теоретических работ. Впоследствии при вашем практическом уме, когда кейворит пойдет в ход и осуществятся все наши предположения, мы сможем уладить дело с этими людьми. Но только не теперь, только не теперь! Если не будет никакого другого объяснения, то публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону. Быть может, устроят даже подписку, и так как мой дом сгорел, то и я получу приличную сумму, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что я виновник всего, никакой подписки не будет, нас выгонят вон, и я уже не смогу работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или остаться в живых. Это не так важно. Если погибли, то потеря не велика. Они были усердные, но малоспособные работники, и авария произошла в значительной мере из-за их небрежности при уходе за печью. Если же они и уцелели, то едва ли смогут объяснить, в чем дело. Они поверят

рассказням о циклоне. Хорошо бы на время поселиться в одной из комнат вашего домика, пока мой не пригоден для жилья.

Он приостановился и вопросительно посмотрел на меня.

«Человек с такими способностями, – подумал я, – не совсем приятный жилец».

– Может быть, лучше всего сначала найти скребок, – сказал я уклончиво. И повел его к остаткам оранжереи.

Пока он принимал ванну, я раздумывал о происшедшем. Ясно, что дружба с мистером Кейвором имеет свои неудобства, которых я раньше не предвидел. Его рассеянность, которая чуть было не погубила население земного шара, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я нуждался в деньгах, был молод и склонен к смелым авантюрам, когда можно надеяться на счастливый конец. Я уже решил, что мне должна достаться по крайней мере половина прибыли от изобретения кейворита. К счастью, я снял домик на три года без ремонта, а вся мебель была куплена в долг и застрахована. В конце концов я решил не покидать Кейвора и посмотреть, чем это все кончится.

Конечно, теперь положение сильно изменилось. Я не сомневался более в чудесных свойствах нового вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пригодности его для артиллерии и для патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление лаборатории, чтобы скорей приступить к продолжению опытов. Кейвор теперь больше применялся к уровню моих знаний при разговорах о том, как должно изготовляться новое вещество.

– Разумеется, мы должны изготовить его снова, – заявил он весело. – Пусть мы потерпели неудачу, но мои теоретические соображения оказались правильными, и они уже позади. Мы по возможности примем меры, чтобы избежать гибели нашей планеты. Но риск неизбежен! Неизбежен. В исследовательской работе без этого не обойтись, и, как практик, вы должны помочь мне. Мне кажется, что вещество лучше всего создать в виде узкой тонкой полоски. Впрочем, я еще не знаю. У меня появилась мысль о другом методе, который я еще затрудняюсь формулировать. Но любопытно, что эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда я катился по грязи по воле ветра и не знал, чем кончится вся эта история.

Нам пришлось довольно много повозиться, пока мы восстановили лабораторию. Дел хватало, хотя мы не сразу решили вопрос о том, как надо ставить вторичный опыт. Трое помощников были очень недовольны тем, что я стал старшим над ними, и даже пытались бастовать. Но это удалось уладить, правда, после двухдневного перерыва в работе.

Глава III

Сооружение шара

Я хорошо помню, как Кейвор развивал мне свою идею о шаре. Мысль об этом мелькала у него и раньше, но вполне ясно осознал он ее как-то внезапно. Мы шли ко мне пить чай, и дорогой Кейвор что-то бормотал про себя. Вдруг он вскрикнул:

- Конечно, так! Это победа! Вроде свертывающейся шторы!
- Какая победа? – спросил я.
- Над любым пространством! Над Луной!
- Что вы этим хотите сказать?
- Что? Это должен быть шар. Вот что я хочу сказать!

Я понял, что толку от него не добиться, и не стал расспрашивать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. После чая он сам начал объяснять мне свой проект.

– В прошлый раз, – сказал он, – я вылил вещество, не подверженное силе тяготения, в плоский чан с крышкой, которая придерживала его. Как только вещество охладилось и процесс выплавки закончился, произошла катастрофа, – ничто над ним не имело веса: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то неизвестно, чем бы все это кончилось. Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

- Оно тотчас улетело бы.
- Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.
- Но какая была бы от этого польза?
- Я полетел бы вместе с ним.

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением посмотрел на моего собеседника.

– Представьте себе шар, – объяснял он мне, – достаточно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сгущенного воздуха и концентрированной пищи, аппараты для дистиллирования воды и так далее. Снаружи стальная оболочка будет покрыта слоем...

- Кейворита?
- Да.
- Но как же вы попадете внутрь?
- Так же, как в пудинг.
- А именно?

– Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Это будет, конечно, довольно сложно; придется устроить клапан, чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха.

- Как у Жюль Верна в «Путешествии на Луну»?

Но Кейвор не читал фантастических романов.

– Начинаю понимать, – сказал я. – И вы могли бы влезть туда и закрыть люк, пока еще кейворит теплый; а как только он остынет, он преодолеет силу тяготения, и вы полетите?

- По касательной.

– Вы полетите по прямой линии. – Я вдруг остановился. – Однако что может помешать вам навсегда улететь по прямой линии, в космическое пространство? – спросил я. – Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вернуться назад?

– Я только что думал об этом, – сказал Кейвор, – это-то я и подразумевал, когда воскликнул: «Победа!» Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемой

для воздуха и, за исключением люка, сплошной; стальную же оболочку сделать составной из отдельных сегментов, так что каждый сегмент может передвигаться, как у свертывающейся шторы. Ими нетрудно будет управлять при помощи пружин и подтягивать их или распускать посредством электричества, пропускаемого через платиновую проволоку в стекло. Все это уже детали. Вы видите, что за исключением пружин и роликов внешняя кейворитная оболочка шара будет состоять из окон, или штор, – называйте их как хотите. Вот когда все эти окна, или шторы, будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникнуть внутрь шара, и он полетит через пространство по прямой линии, как вы говорите. Но откройте окно, вообразите, что одно из окон открыто! Тогда всякое тяготеющее тело, которое случайно встретится на пути, притянет нас.

Я сидел, стараясь разобраться.

– Вы понимаете? – спросил он.

– Да, понимаю.

– Фактически мы сможем лавировать в пространстве как угодно, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

– Да. Это совершенно ясно. Только...

– Что?

– Только я не совсем понимаю, зачем нам все это. Это ведь только прыжок с Земли и обратно.

– Конечно. Можно, например, слетать на Луну.

– Но если мы попадем туда, что мы там увидим?

– Посмотрим... По новейшим данным науки...

– Есть ли там воздух?

– Может быть, и есть.

– Отличная идея, – сказал я, – но не чересчур ли смелый замысел? Луна! Я предпочел бы сначала слетать куда-нибудь поближе.

– Но это невозможно: нам мешает воздух.

– Почему бы не применить вашу идею о пружинных заслонках, заслонках из кейворита в крепких стальных ящиках, для поднимания тяжестей?

– Ничего не выйдет, – упорствовал Кейвор. – В конце концов, путешествие в космическое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляются же люди к полюсу!

– Только не дельцы. Кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. И если там случится несчастье, им посылают помощь. А тут!.. Лететь неизвестно куда и неизвестно ради чего...

– Хотя бы ради разведки космоса.

– Да, пожалуй... и потом можно будет написать книгу...

– Я не сомневаюсь, что там есть минералы, – заметил Кейвор.

– Какие же?

– Сера, различные руды, может быть, золото, возможно, даже новые элементы.

– Да, но стоимость перевозки... – возразил я. – Нет, вы непрактичный человек. Ведь до Луны четверть миллиона миль!

– Мне кажется, перевозка любой тяжести обойдется недорого, если запаковать ее в ящик из кейворита.

– Об этом я не подумал.

– Перевозка за счет продавца, не так ли?

– Мы не ограничимся одной Луной.

– Что вы хотите сказать?

– Есть еще Марс: прозрачная атмосфера, новая обстановка, восхитительное чувство легкости. Неплохо бы слетать и туда.

– А воздух на Марсе есть?

– Конечно.

– Вы, кажется, намерены устроить там санаторий. Кстати, какое расстояние до Марса?

– Пока, кажется, двести миллионов миль, – беспечно ответил Кейвор, – и лететь нужно близко к Солнцу.

У меня опять разыгралась фантазия.

– Во всяком случае, – сказал я, – это звучит заманчиво. Все-таки путешествие...

Передо мной открывались невероятные возможности. Я вдруг ясно увидел, как по всей Солнечной системе курсируют суда из кейворита и шары «люкс». Патент на изобретение, закрепленный на всех планетах. Я вспомнил старинную испанскую монополию на американское золото. И ведь речь идет не об одной планете, а обо всех сразу! Я пристально посмотрел на румяное лицо Кейвора, и воображение мое точно запрыгало и заплясало. Я встал, зашагал по комнате и дал волю своему языку:

– Я, кажется, начинаю понимать. – Переход от сомнения к энтузиазму совершился в одно мгновение. – Это восхитительно! Грандиозно! Мне и во сне такое не снилось!

Лед моего благоразумия был сломлен, и теперь фантазия Кейвора не знала удержу. Он тоже вскочил и забегал по комнате, он тоже махал руками и кричал. Мы были точно одержимые. Да мы и были одержимые.

– Мы все устроим, – сказал он в ответ на какое-то мое возражение, – все устроим. Сегодня же вечером начнем вычерчивать литейные формы.

– Мы начнем сейчас же, – возразил я, и мы поспешили в лабораторию, чтобы приняться за работу.

Всю эту ночь я, как ребенок, витал в сказочном мире. Утренняя заря застала нас обоих за работой при электрическом свете: мы забыли его погасить. Эти чертежи стоят у меня перед глазами до сих пор. Я сводил и раскрашивал их, а Кейвор чертил; чертежи были грязные, сделанные наспех, но удивительно точные. Мы сделали в ту ночь чертежи стальных заслонок и рам, план стеклянного шара был изготовлен в неделю. Мы прекратили наши послеобеденные беседы и вообще изменили весь распорядок жизни. Мы работали беспрерывно, а спали и ели только тогда, когда уже валились с ног от голода или усталости. Наш энтузиазм заразил и наших троих помощников, хоть они и не знали, для какой цели предназначался шар. В те дни один из них, Гиббс, словно разучился нормально ходить и бегал повсюду, даже по комнате, какой-то мелкой рысцой.

Шар понемногу рос. Прошел декабрь, январь – один раз снег был такой глубокий, что мне пришлось целый день разметать дорожку от дома до лаборатории; наступил февраль, потом март. В конце марта завершение работы было уже близко. В январе нам доставили на шестерке лошадей огромный ящик, – в нем был шар из массивного стекла, уже готовый, который мы положили около подъемного крана, чтобы потом вставить его в стальную оболочку. Все части этой оболочки – она было не сферическая, а многогранная, со свертывающимися сегментами – прибыли в феврале, и нижняя половина ее была уже склепана. Кейворит был в марте наполовину готов, металлическая паста прошла уже через две стадии процесса, и мы наложили большую часть ее на стальные прутья и заслонки. Мы почти ни в чем не отступали от первоначального плана Кейвора, и это было поистине удивительно. Когда шар был склепан, Кейвор предложил снять крышу с временной лаборатории, где производились работы, и построить там печь. Таким образом, последняя стадия изготовления кейворита, во время которой паста нагревается докрасна в струе гелия, должна была закончиться тогда, когда мы будем уже внутри шара.

Теперь нам оставалось обсудить и решить, что нужно взять с собой: пищевые концентраты, консервированные эссенции, стальные цилиндры с запасным кислородом, аппараты для удаления углекислоты из воздуха и для восстановления кислорода посредством перекиси натрия, конденсаторы для воды и так далее. Помню, какую внушительную грудку образовали в углу все эти жестянки, свертки, ящики – убедительные доказательства нашего будущего путешествия.

В это горячее время некогда было предаваться раздумью. Но однажды, когда сборы уже подходили к концу, странное настроение овладело мной. Все утро я складывал печь и, выбившись из сил, присел отдохнуть. Все показалось мне вдруг сумасбродным и невероятным.

– Послушайте, Кейвор, – сказал я. – Собственно говоря, к чему все это?

Он улыбнулся.

– Теперь уже поздно.

– Луна, – размышлял я вслух, – что вы рассчитываете там увидеть? Я всегда думал, что Луна – мертвый мир.

Он пожал плечами.

– Что вы рассчитываете там увидеть?

– А вот посмотрим.

– Посмотрим ли? – усомнился я и задумался.

– Вы утомлены, – заметил Кейвор, – вам надо прогуляться сегодня после обеда.

– Нет, – сказал я упрямо. – Я закончу кладку печи.

Действительно, я ее закончил и ночью потом мучился от бессонницы.

Никогда еще у меня не было такой бессонницы. Было, правда, несколько скверных ночей перед моим банкротством, но даже самая худшая из них показалась бы сладкой дремой по сравнению с этой бесконечной головной болью. Я вдруг испугался нашей затеи.

До этой ночи я, кажется, ни разу и не подумал об опасностях нашего путешествия. Теперь они явились, словно полчища привидений, осаждавших некогда Прагу, и окружили меня тесным кольцом. Необычайность того, что мы собирались предпринять, потрясла меня. Я походил на человека, пробудившегося от сладких грез в самой ужасающей действительности. Я лежал с широко раскрытыми глазами, и наш шар казался мне все более хрупким и жалким, Кейвор – все более сумасбродным фантазером, а все предприятие – более и более безумным.

Я встал с кровати и начал ходить по комнате, затем сел у окна и стал тоскливо смотреть в бесконечное космическое пространство. Между звездами такая бездонная пустота, такой мрак! Я старался припомнить отрывочные сведения по астрономии из случайно прочитанных книг, но они были слишком смутны и не давали никакого представления о том, что может нас ожидать. Наконец я лег в постель и ненадолго уснул или, вернее, промучился в кошмарах. Мне снилось, будто я стремглав падаю в бездонную пропасть неба.

За завтраком я очень удивил Кейвора, когда объявил ему решительно:

– Я не намерен лететь с вами.

На все его попытки убедить меня я упорно отвечал:

– Затея ваша безрассудна, и я не желаю в ней участвовать. Затея ваша безумна.

Я не пошел с ним в лабораторию и, походив немного вокруг моего домика, взял шляпу и трость и отправился куда глаза глядят. Утро было великолепное: теплый ветер и синее небо, первая зелень весны, пение птиц. Я позавтракал бифштексом и пивом в трактире около Элхэма и удивил хозяина своим замечанием по поводу погоды:

– Человек, покидающий Землю в такую прекрасную погоду, – безумец!

– То же самое сказал и я, как только услышал об этом, – подтвердил хозяин, и тут же выяснилось, что какой-то бедняга покончил самоубийством. Я ушел, но мысли мои приняли несколько иное направление.

После обеда я подремал на солнце и, освеженный, отправился дальше.

Недалеко от Кентербери я зашел в уютный ресторан. Домик был весь увит плющом, и хозяйка, опрятная старушка, мне понравилась. У меня хватило денег, чтобы заплатить за номер, и я решил там переночевать. Хозяйка была особа разговорчивая и, между прочим, сообщила мне, что она никогда не бывала в Лондоне.

– Дальше Кентербери я никуда не ездила, – сказала она. – Я не бродяга какая-нибудь.

– А не хотели бы вы полететь на Луну? – спросил я.

– Мне, знаете, никогда не нравились эти воздушные шары, – ответила она, полагая, очевидно, что это довольно обыкновенная прогулка. – Ни за что не полетела бы на воздушном шаре, нет уж, увольте.

Это прозвучало комично. После ужина я сел на скамейку у двери трактира и поболтал с двумя рабочими о выделке кирпича, об автомобилях, о крикете прошлого года. А на небе новый месяц, голубой и далекий, как альпийская вершина, плыл к западу вслед за солнцем.

На следующий день я вернулся к Кейвору.

– Я лечу, – сказал я. – Я просто был немного не в духе.

Это был единственный раз, когда я всерьез усомнился в нашем предприятии. Нервы! После этого я стал работать не так усердно и ежедневно гулял не менее часа. Наконец все было готово, оставалось только нагреть сплав в печи.

Глава IV

Внутри шара

– Спускайтесь! – сказал Кейвор, когда я вскарабкался на край люка и заглянул в темную внутренность шара. Мы были одни. Смеркалось. Солнце только что село, и надо всем царила тишина сумерек.

Я спустил вторую ногу и соскользнул по гладкому стеклу внутрь шара; потом повернулся, чтобы принять от Кейвора жестянки с пищей и другие припасы. Внутри было тепло: термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту; при полете надо беречь тепло, и мы надели костюмы из тонкой фланели. Кроме того, мы захватили узел толстой шерстяной одежды и несколько теплых одеял – на случай холода. По указанию Кейвора я расставлял багаж, цилиндры с кислородом и прочее около своих ног, и вскоре мы уложили все необходимое. Кейвор обошел еще раз нашу лабораторию без крыши, чтобы посмотреть, не забыли ли мы чего-нибудь, потом влез в шар следом за мной.

Я заметил что-то у него в руке.

– Что это у вас? – спросил я.

– Взяли ли вы с собой что-нибудь почитать?

– Бог ты мой! Конечно, нет.

– Я забыл сказать вам. Наше путешествие может продлиться... не одну неделю.

– Но...

– Мы будем лететь в этом шаре, и нам совершенно нечего будет делать.

– Жаль, что я не знал об этом раньше.

Кейвор высунулся из люка.

– Посмотрите, тут что-то есть, – сказал он.

– А времени хватит?

– В нашем распоряжении еще час.

Я выглянул. Это был старый номер газеты «Титбитс», вероятно, принесенный кем-нибудь из наших помощников. Затем в углу я увидел разорванный журнал «Ллойдс ньюс». Я забрал все это и полез обратно в шар.

– А что у вас? – спросил я его.

Я взял книгу из его рук и прочел: «Собрание сочинений Вильяма Шекспира».

Кейвор слегка покраснел.

– Мое воспитание было чисто научным, – сказал он, как бы извиняясь.

– И вы не читали Шекспира?

– Нет, никогда.

– Он тоже кое-что знал, хотя познания его были несистематичны.

– Да, мне об этом говорили, – сказал Кейвор.

Я помог ему завинтить стеклянную крышку люка, затем он нажал кнопку, чтобы закрыть соответствующий заслон в наружной оболочке. Полоса света, проникавшая в отверстие, исчезла, и мы очутились в темноте.

Некоторое время мы оба молчали. Хотя наш шар и пропускал звуки, кругом было тихо. Я заметил, что при старте ухватиться будет не за что и что нам придется испытывать неудобства из-за отсутствия сидений.

– Отчего вы не взяли стульев? – спросил я.

– Ничего, я все устроил, – сказал Кейвор. – Стулья нам не понадобятся.

– Как так?

– А вот увидите, – сказал он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я замолчал. Мне вдруг ясно представилась вся глупость моего поступка. Не лучше ли вылезти, пока еще не поздно? Я знал, что мир за пределами шара будет для меня холоден и негостеприимен, – уже несколько недель я жил на средства Кейвора, – но все же мир этот будет не так холоден, как бесконечность, и не так негостеприимен, как пустота. Если бы не боязнь показаться трусом, то думаю, что даже и в эту минуту я еще мог бы заставить Кейвора выпустить меня наружу. Но я колебался, злился на себя и раздражался, а время шло.

Последовал легкий толчок, послышалось щелканье, как будто в соседней комнате откупирили бутылку шампанского, и слабый свист.

На мгновение я почувствовал огромное напряжение, мне показалось, что ноги у меня словно налиты свинцом, но все это длилось лишь одно короткое мгновение.

Однако оно придало мне решимости.

– Кейвор, – сказал я в темноту, – мои нервы больше не выдерживают. Я не думаю, чтобы...

Я умолк. Он ничего не ответил.

– Будь проклята вся эта затея! – вскричал я. – Я безумец! Зачем я здесь? Я не полечу, Кейвор! Дело это слишком рискованное, я вылетаю.

– Вы не можете этого сделать, – спокойно ответил он.

– Не могу? А вот увидим.

Несколько секунд он молчал.

– Теперь уже поздно ссориться, Бедфорд. Легкий толчок – это был старт. Мы уже летим, летим так же быстро, как снаряд, пущенный в бесконечное космическое пространство.

– Я... – начал было я и замолчал. В конце концов, теперь все это уже не имело значения. Я был ошеломлен и некоторое время ничего не мог сказать; я будто никогда и не слышал об этой идее – покинуть нашу Землю; затем я почувствовал удивительную перемену в своих физических ощущениях: необычайную легкость, невесомость, странное головокружение, как при апоплексии, и звон в ушах. Время шло, но ни одно из этих ощущений не ослабевало, и скоро я так привык к ним, что не испытывал ни малейшего неудобства.

Что-то щелкнуло: вспыхнула электрическая лампочка.

Я взглянул на лицо Кейвора, такое же бледное, навверное, как и мое. Мы молча смотрели друг на друга. На фоне прозрачной темной поверхности стекла Кейвор казался как бы летящим в пустоте.

– Итак, мы обречены, отступления нет, – сказал я наконец.

– Да, – подтвердил он, – отступления нет. Не шевелитесь! – воскликнул он, заметив, что я поднял руки. – Пусть ваши мускулы бездействуют, как будто вы лежите в постели. Мы находимся в своем собственном особом мирке. Поглядите на эти вещи.

Он указал на ящики и узлы, которые прежде лежали на дне шара. Я с изумлением заметил, что они плавали теперь в воздухе в футе от сферической стены. Затем я увидел по тени Кейвора, что он не опирается более на поверхность стекла; протянув руку назад, я почувствовал, что и мое тело тоже повисло в воздухе.

Я не вскрикнул, не замахал руками, но почувствовал ужас. Какая-то неведомая сила точно держала нас и увлекала вверх. Легкое прикосновение руки к стеклу приводило меня в быстрое движение. Я понял, что происходит, но это меня не успокоило. Мы были отрезаны от всякого внешнего тяготения, действовало только притяжение предметов, находившихся внутри нашего шара. Вследствие этого всякая вещь, не прикрепленная к стеклу, медленно скользила – медленно потому, что наша масса была невелика, – к центру нашего мирка. Этот центр находился где-то в середине шара, ближе ко мне, чем к Кейвору, так как я был тяжелее его.

– Мы должны повернуться, – сказал Кейвор, – и плавать в воздухе спиной друг к другу, чтобы все вещи оказались между нами.

Странное это ощущение – витать в пространстве: сначала жутко, но потом, когда страх проходит, оно не лишено приятности и очень покойно, похоже на лежание на мягком пуховике. Полная отчужденность от мира и независимость! Я не ожидал ничего подобного. Я ожидал сильного толчка вначале и головокружительной быстроты полета. Вместо всего этого я почувствовал себя как бы бесплотным. Это походило не на путешествие, а на сновидение.

Глава V

Путешествие на Луну

Вскоре Кейвор погасил свет, сказав, что у нас не очень большой запас электрической энергии и что нам надо беречь ее для чтения. И некоторое время – я не знаю, как долго это длилось – мы находились в темноте.

Из пустоты выплыл вопрос.

– Куда мы летим? В каком направлении? – спросил я.

– Мы летим от Земли по касательной, и так как Луна теперь видна уже почти на три четверти, то мы направляемся к ней. Я открою заслонку...

Щелкнула пружина, и одно из окон в наружной оболочке шара раскрылось. Небо за ним было так же черно, как и тьма внутри шара, но в рамке окна блесело множество звезд.

Кто видел звездное небо только с Земли, тот не может представить себе, какой вид оно имеет, когда с него сорвана полупрозрачная вуаль земной атмосферы. Звезды, которые мы видим на Земле, – только рассыпанные по небу призраки, проникающие сквозь нашу туманную атмосферу. Теперь же я видел настоящие звезды!

Много чудесного пришлось нам увидеть позднее, но вид безвоздушного, усеянного звездами неба незабываем.

Маленькое оконце с треском захлопнулось, а другое, соседнее, открылось и через мгновение также захлопнулось, потом третье, и наконец я зажмурил глаза от ослепительного блеска убывающей Луны.

Некоторое время я пристально смотрел на Кейвора и на окружающие предметы, чтобы приучить глаза к свету, прежде чем я смог взглянуть на сверкающее светило.

Четыре окна были открыты для того, чтобы притяжение Луны начало действовать на все предметы в нашем шаре. Теперь я уже не витал в пространстве, мои ноги покоились на стеклянной оболочке, обращенной в сторону Луны. Одежда и ящики с провизией также медленно скользили по стеклянной стенке и располагались, заслонив часть вида. Мне казалось, что я смотрю «вниз», на Луну. На Земле «вниз» значит к земной поверхности, по направлению падения тела, а «вверх» – в обратном направлении. Теперь же сила тяготения влекла нас к Луне, а Земля висела у нас над головой. Когда же все заслонки из кейворита были закрыты, то «вниз» означало направление к центру нашего шара, а «вверх» – к его наружной стенке.

Любопытно, что, в противоположность нашему земному опыту, свет шел к нам снизу. На Земле свет падает сверху или сбоку; здесь же он исходил из-под наших ног, и, чтобы увидеть свои тени, мы должны были глядеть вверх.

Сначала я испытывал легкое головокружение, стоя на толстом стекле, глядя вниз, на Луну, сквозь сотни тысяч миль пустого пространства; но это болезненное ощущение скоро рассеялось. Зато какое великолепие!

Читатель может представить себе это, если теплой летней ночью ляжет на землю и, подняв ноги кверху, будет смотреть между ними на Луну. Однако по какой-то причине, вероятно, из-за отсутствия воздуха, Луна уже казалась нам значительно ярче и больше, чем на Земле. Малейшие детали ее поверхности были теперь отчетливо видны. И когда мы смотрели на нее не сквозь воздух, контуры ее стали резкими и четкими, без расплывчатого сияния или ореола вокруг; только звездная пыль, покрывавшая небо, обрамляла края планеты и обозначала очертания ее неосвещенной части. Когда я стоял и смотрел на Луну внизу, под ногами, то ощущение невероятности, то и дело появлявшееся у меня со времени нашего старта, опять вернулось с удесyтеренной силой.

– Кейвор, – сказал я, – все это очень странно. Эти компании, которые мы собирались организовать, и залежи минералов...

– Ну?

– Я их здесь не вижу.

– Конечно, – ответил Кейвор, – но все это пройдет.

– Я привык смотреть на все практически. Однако... на минуту я почти усомнился, есть ли вообще на свете Земля.

– Этот номер газеты может вам помочь.

Я с недоумением посмотрел на газету, потом поднял ее над головой и обнаружил, что в таком положении удобно читать. Мне бросился в глаза столбец мелких объявлений. «Джентльмен, располагающий некоторыми средствами, дает деньги в займы», – прочел я. Я знал этого джентльмена. Какой-то чудаковатый продавал велосипед «новый, стоимостью в пятнадцать фунтов» за пять фунтов стерлингов. Затем какая-то дама, очутившись в бедственном положении, хотела по дешевке продать ножи и вилки для рыбы – свой «свадебный подарок». Без сомнения, какая-нибудь простодушная женщина уже глубокомысленно рассматривает эти ножи и вилки, кто-нибудь с торжеством катит на велосипеде, а третий доверчиво советуется с благодетелем, ссужающим деньги, – и все это в ту самую минуту, когда я пробежал глазами эти объявления. Я рассмеялся и выпустил газету из рук.

– А нас видно с Земли? – спросил я.

– А что?

– Один мой знакомый очень интересуется астрономией, и мне пришло в голову, что... может быть, он как раз теперь смотрит... на нас в телескоп.

– Даже в самый сильный телескоп невозможно заметить нас, хотя бы как точку.

Несколько минут я молча смотрел на Луну.

– Целый мир, – сказал я. – Здесь это чувствуешь гораздо сильнее, чем на Земле... Обитаемый, пожалуй...

– Обитаемый! – воскликнул Кейвор. – Нет, и не думайте об этом. Вообразите себя сверхполярным исследователем космического пространства. Взгляните сюда!

Он показал рукой на бледное сияние внизу.

– Это мертвый мир! Мертвый! Огромные потухшие вулканы, необозримые пространства застывшей лавы, равнины, покрытые снегом, замерзающей углекислотой или воздухом; и повсюду трещины, ущелья, пропасти. Никакой жизни, никакого движения. Люди систематически наблюдали эту планету в телескопы более двухсот лет, и много ли перемен они заметили? Как вы думаете?

– Никаких.

– Они отметили два бесспорных обвала, одну сомнительную трещину и незначительное периодическое изменение окраски – вот и все.

– Я не знал, что они заметили хотя бы это.

– Да, но никаких следов жизни!

– Кстати, – спросил я, – какой наименьший предмет на Луне могут обнаружить самые сильные телескопы?

– Можно было бы увидеть большую церковь. Разумеется, увидели бы города и строения или что-нибудь подобное. Пожалуй, там есть какие-нибудь насекомые, вроде муравьев, например, которые могут скрываться в глубокие норы от лунной ночи, или какие-нибудь неведомые существа, не имеющие себе подобных на Земле. Это самое вероятное, если там вообще есть жизнь. Подумайте, какая разница в условиях! Жизнь там должна приспособляться к дню, в четырнадцать раз более продолжительному, чем у нас на Земле: непрерывный двухнедельный солнечный свет при безоблачном небе, и затем ночь, такая же длинная, все более и более холодная под студеными яркими звездами. В такую длинную ночь там

должен быть страшный холод, доходящий до абсолютного нуля, до -273° Цельсия ниже земной точки замерзания. Всякой жизни там пришлось бы погружаться в зимнюю спячку на всю эту долгую морозную ночь и снова пробуждаться при наступлении долгого дня.

Кейвор задумался.

– Можно, пожалуй, вообразить себе червеподобные существа, питающиеся твердым воздухом, точно так же, как дождевой червяк питается землей, или каких-нибудь толстокожих чудовищ...

– Кстати, – спросил я, – почему же мы не захватили с собой оружия?

Кейвор ничего не ответил на этот вопрос.

– Нет, – сказал он наконец, – нам надо продолжать наше путешествие. Увидим, когда доберемся туда.

Тут я вспомнил.

– Конечно, – сказал я, – минералы там должны быть при всех условиях.

Вскоре Кейвор сказал мне, что желает переменить курс, отдавшись на минуту действию земного притяжения. Для этого он хочет открыть на тридцать секунд одно из окон, обращенных к Земле. Он предупредил, что у меня может закружиться голова, и советовал прижать руки к окну, чтобы не упасть. Я последовал его совету и уперся ногами в ящики с провизией и цилиндры с воздухом, чтобы не дать им упасть на меня. Окно щелкнуло и раскрылось. Я неуклюже упал на руки и на лицо и сквозь стекло на мгновение увидел между своими растопыренными пальцами нашу Землю – планету внизу небесного свода.

Мы все еще находились сравнительно близко от Земли – по словам Кейвора, всего на расстоянии каких-нибудь восьмисот миль, – и ее громадный диск закрывал почти все небо. Но было уже ясно видно, что наша планета имеет шарообразную форму. Материки вырисовывались смутно, но к западу широкая серая полоса Атлантического океана блестела, как расплавленное серебро в свете закатного солнца. Я, кажется, разглядел тусклые, подернутые дымкой береговые очертания Испании, Франции и Южной Англии, но тут – снова щелчок, окно закрылось, и я в полном смятении медленно заскользил по гладкой поверхности стекла.

Когда наконец голова у меня перестала кружиться, то Луна снова оказалась «внизу», у меня под ногами, а Земля – где-то далеко, на краю горизонта, та самая Земля, которая всегда была внизу и для меня и для всех людей с самого начала начал.

Так мало нам требовалось усилий, так легко все давалось благодаря невесомости, что мы не чувствовали ни малейшей потребности в подкреплении наших сил по крайней мере в течение шести часов (по хронометру Кейвора). Это меня очень удивило, но даже тогда я съел какую-то сущую малость. Кейвор осмотрел аппарат для поглощения углекислоты и воды и нашел его в удовлетворительном состоянии, благодаря, конечно, тому, что мы потребляли ничтожное количество кислорода. Все темы для разговоров исчерпались. Делать нам было больше нечего, и мы почувствовали, что хотим спать. Тогда мы разостлали наши одеяла на дне шара таким образом, чтобы укрыться как можно надежнее от лунного света, пожелали друг другу спокойной ночи и почти мгновенно заснули.

Так мы проводили время – то в дремоте, то разговаривая, читая и по временам закусывая, хотя и без большого аппетита. Любопытно, что за все время нашего пребывания в шаре мы не чувствовали ни малейшей потребности в пище; сначала мы принуждали себя есть, потом перестали и постились, так что не извели и сотой доли взятой с собой провизии; количество выдыхаемой нами углекислоты также было на редкость ничтожно; почему – не сумею объяснить. Находясь большей частью в состоянии покоя, которое не было ни сном, ни бодрствованием, мы падали сквозь пространство времени, не имевшее ни дня, ни ночи, падали бесшумно, плавно и быстро по направлению к Луне.

Глава VI

Высадка на Луну

Помню, как Кейвор вдруг открыл разом шесть окошек и так ослепил меня светом, что я вскрикнул от боли в глазах и закричал на него. Все видимое пространство занимала Луна – исполинский ятаган белой зари с блестящим, иззубренным темнотой лезвием, постепенно вырисовывающийся из отступающего мрака берег, сверкающие в солнечных лучах остроко- нечные пики и вершины. Думаю, что читатель видел изображение или фотографии Луны, так что мне нет надобности описывать очертания лунного ландшафта, грандиозные кольце- образные горные цепи, более обширные, чем наши земные горы, и их вершины, ярко осве- щенные солнцем и отбрасывающие резко очерченные тени; серые беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры – все детали лунной поверхности, то залитые ослепительным све- том, то погруженные в таинственный полумрак. Мы витали близ этого мира на расстоянии менее сотни миль над его хребтами и остроконечными пиками. Теперь мы могли наблюдать то, чего ни один глаз на Земле никогда не увидит: в ярких лучах солнца резкие очертания лунных скал и оврагов, лощин и дна кратеров заволакивались туманом; белизна их освещен- ной поверхности раскалывалась на полосы и лоскутья, сжималась и исчезала; только кое- где появлялись и ширились пятна бурого и оливкового цвета.

Недолго, однако, пришлось нам любоваться этим видом. Наступал самый опасный момент путешествия. Нам нужно было спуститься ближе к Луне, над которой мы кружились, замедлять движение и выждать удобную минуту, если попадется место для посадки.

Кейвор напряженно работал. Я же бездельничал, волновался и все время ему мешал. Он прыгал по шару с проворством, невозможным на Земле. Он то и дело отпирал и запира л кейворитные окна, делая при этом вычисления и посматривая на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время окна оставались закрытыми, и мы словно безмолвно висели во мраке, мчась в пространстве с невероятной скоростью.

Наконец Кейвор нащупал кнопки и открыл сразу четыре окна. Я зашатался и прикрыл глаза, ослепленный и сраженный непривычным сиянием солнца, блиставшего у меня под ногами. Потом ставни снова захлопнулись, и у меня закружилась голова от внезапной тем- ноты. Я вновь поплыл в необъятной черной тиши.

Затем Кейвор зажег электричество и сказал, что надо связать наш багаж и завернуть в одеяло, чтобы избежать сотрясения при спуске шара. Мы делали это при закрытых окнах, чтобы наши вещи сами естественно расположились в центре шара. Это было забавное зре- лище: вообразите, если можете, двух человек, которые плавают в сферическом простран- стве, упаковывая и увязывая свои пожитки! Малейшее усилие обращалось в самое неожиданное движение. Меня то прижимало к стеклянной стенке – это Кейвор невольно толкнул меня, – то я беспомощно барахтался в пустоте. Звезда электрического света сияла у нас то над головой, то под ногами. Ноги Кейвора чуть ли не задевали меня по лицу, а в следую- щую секунду мы оказывались перпендикулярно друг к другу. Наконец вещи были связаны в большой мягкий тюк – все, за исключением двух одеял с отверстиями для головы: в них мы собирались закутаться сами.

Теперь Кейвор открыл одно окно со стороны Луны, и мы увидели, что спускаемся к огромному центральному кратеру, окруженному крестообразно несколькими меньшими. Потом Кейвор снова открыл наш шар со стороны слепящего солнца – вероятно, он хотел воспользоваться притяжением Солнца как тормозом.

– Закройтесь одеялом! – вскричал он, отлетая в сторону.

Я не сразу понял, потом выхватил одеяло из-под ног и закутался в него с головой. Кейвор закрыл заслонку, открыл какое-то другое окно и быстро его захлопнул, потом начал открывать поочередно все окна. Шар наш заколебался, и мы внутри завертелись, ударяясь о стеклянную стенку и о толстый тюк багажа и цепляясь друг за друга, а снаружи какое-то белое вещество обдавало брызгами наш шар, как будто мы катились вниз по снежному склону горы...

Через голову, кувырком, удар, опять кувырком...

Сильный толчок – и я наполовину погребен под тюком багажа... Мгновение полной тишины. Затем я услышал пыхтение Кейвора и хлопанье стальной заслонки. Я с усилием оттолкнул завернутый в одеяло багаж и выбрался из-под него. За открытыми окнами сияли в темноте звезды.

Мы остались живы и лежали во мраке, в тени, отбрасываемой глубоким кратером, на дно которого скатился наш шар.

Мы сидели, переводя дыхание и ощупывая синяки на теле от ушибов. Ни один из нас, видно, не предвидел такого нелюбезного приема в лунном мире. Я с трудом поднялся на ноги.

– А теперь посмотрим на лунный пейзаж, – сказал я. – Какая темнота, Кейвор!

Стеклянная поверхность шара запотела, и, говоря это, я протирал ее одеялом.

– Остается с полчаса до наступления дня, – сказал Кейвор. – Надо подождать.

В окружающей темноте ничего не было видно, словно шар был не стеклянный, а стальной. Протирание одеялом не помогло, а только загрязнило окно: стекло снова потело от сгустившегося пара и облипало волосками шерсти. Конечно, одеяло для этого не годилось. Протирая стекло, я нечаянно поскользнулся на влажной поверхности и ударился ногой об один из цилиндров с кислородом.

Нелепое положение! Все это очень раздражало меня. После такого невероятного странствия мы наконец очутились на Луне, среди неведомых чудес, и ничего не могли увидеть, кроме тусклой стенки нашего стеклянного пузыря.

– Проклятие! – разразился я. – Ради этого не стоило улетать с Земли.

И я присел на тюк, дрожа от холода и закутываясь плотнее в одеяло.

Мокрая поверхность стекла вскоре замерзла и покрылась морозными узорами.

– Вы можете дотянуться до электрического обогревателя? – сказал Кейвор. – Да вон та черная кнопка. Иначе мы рискуем замерзнуть.

Я не заставил его повторить просьбу дважды.

– А теперь, – спросил я, – что мы будем делать?

– Ждать, – отвечал он.

– Ждать?

– Конечно. Надо подождать, пока воздух снова согреется, тогда и стекло оттает. До тех пор нам делать нечего. Здесь еще ночь, надо обождать наступления дня. А пока не хотите ли закусить?

Я ответил не сразу и сидел злой и раздраженный. Потом нехотя отвернулся от мутной стеклянной стенки и посмотрел прямо в глаза Кейвору.

– Да, – сказал я наконец, – я проголодался. Я сильно разочарован. Я ожидал... Не знаю, чего ожидал, только уж, конечно, не этого.

Я призвал на помощь всю свою философию: натянув получше одеяло, снова уселся на тюк и приступил к своему первому завтраку на Луне. Не помню, закончил ли я его, как вдруг стеклянная поверхность стала проясняться сначала местами, а потом быстро расширявшимися и сливавшимися полосками, и, наконец, тусклая вуаль, скрывавшая лунный мир от наших взоров, совершенно исчезла.

Мы жадно выглянули наружу.

Глава VII

Восход солнца на Луне

Нам представилась дикая и мрачная картина. Мы находились среди громадного амфитеатра, в обширной круглой равнине, на дне гигантского кратера. Его обрывистые стены замыкали нас со всех сторон. С западной стороны на них падал свет еще невидимого солнца, достигая подошвы обрыва и ярко освещая хаотические нагромождения темных и серых скал, перерезанных сугробами и снежными ущельями. Края кратера находились от нас милях в двенадцати, но в разреженной атмосфере блестящие очертания их были видны очень отчетливо. Они вырисовывались ослепительно ярко на фоне звездной темноты, которая нашим земным глазам казалась скорее великолепным, усеянным блестками бархатным занавесом, чем небом.

Восточный край обрыва вначале был просто темной кромкой звездного купола. Ни розового отблеска, ни брезжущего рассвета – никакого признака наступления утра. Только солнечная корона – зодиакальный свет, большое конусообразное светящееся пятно, направленное вершиной к сияющей утренней звезде – предупреждала нас о близости солнца.

Слабый свет вокруг нас отражался от западного края кратера и открывал обширную волнообразную равнину, холодную и серую, постепенно темнеющую к востоку и переходящую в глухую черную пропасть обрыва. Бесчисленные круглые серые вершины, призрачные холмы, сугробы из снегоподобного вещества, простирающиеся вдоль множества хребтов в таинственные дали, подчеркивали нам размеры кратера. Холмы напоминали ледяные торосы, покрытые снегом. Но то, что я принял сначала за снег, оказалось замерзшим воздухом.

Так было сначала, а потом вдруг сразу наступил удивительный лунный день.

Солнечный свет скользнул вниз по скалам, коснулся сугробов у их оснований и, точно в сапогах-скороходах, быстро добрался до нас. Отдаленный край кратера словно зашевелился, дрогнул, и при первом проблеске зари со дна стал подниматься серый туман; хлопья и клубы его становились все шире, гуще и плотнее, и вскоре вся западная часть равнины задымилась, как мокрый платок, повешенный перед огнем, и западная сторона кратера озабилась розовым светом.

– Это воздух, – сказал Кейвор, – конечно, это воздух, иначе пар не поднимался бы так при лучах солнца...

Он пристально посмотрел вверх.

– Смотрите! – воскликнул он.

– Куда? – спросил я.

– На небо. Видите? На черном фоне – голубая полоска. Звезды кажутся больше, а некоторые из них помельче, и все туманности, которые мы видели в небесном пространстве, исчезли!

День наступал быстро и неудержимо. Серые вершины одна за другой вспыхивали и клубились плотным дымящимся паром, и вскоре вся равнина на западе казалась сплошным морем тумана, прибоями и отливами облачной дымки волн. Края кратера отступали все дальше и дальше, тускнели, меняли свои очертания и в конце концов исчезли в тумане.

Все ближе и ближе надвигался клубящийся прилив с быстротой бегущей по Земле тени облака, подгоняемого юго-западным ветром. Вокруг стало сумрачно.

Кейвор схватил меня за руку.

– Что? – спросил я.

– Смотрите! Восход солнца! Солнце!

Он с силой повернул меня и указал на восточный край кратера, выступавший из окружающего нас тумана и немного просветлевший по сравнению с темным небом. Контур его теперь обозначились странными красноватыми жилками, пляшущими языками багрового колеблющегося пламени. Я подумал сначала, что это лучи солнца упали на клубы тумана и образовали огненные языки в небе, но это была солнечная корона, которая на Земле скрыта от наших глаз атмосферой.

И наконец, солнце!

Медленно и неотвратно появилась ослепительная линия – тонкая лучезарная полоска, постепенно принявшая форму радуги, потом дуги, превратилась в пылающий спектр и метнула в нас огненное копьё зноя.

Мне показалось, что у меня выкололи глаза! Я громко вскрикнул и отвернулся, почти ослепленный, ощупью отыскивая свое одеяло под узлом.

И вместе с этим жгучим светом раздался резкий звук, первый звук, достигший нашего слуха из Вселенной с тех пор, как мы покинули Землю, – свист и шелест, бурный шорох воздушной одежды наступающего дня. С появлением света и звука шар наш накренился, и мы, как слепые щенята, беспомощно повалились друг на друга. Шар снова качнулся, и свист стал громче. Крепко стиснув веки, я делал неуклюжие попытки закрыть голову одеялом, но этот новый толчок свалил меня с ног. Я упал на узел, открыл глаза и увидел на мгновение блеск воздуха снаружи стекла. Воздух был жидкий, он кипел, как снег, в который воткнули раскаленный добела металлический прут. Отвердевший воздух при первом же прикосновении солнечных лучей превратился в какое-то тесто, в грязную кашу, которая шипела и пузырилась, превращаясь в газ.

Шар снова покачнулся, на этот раз много резче, и мы с Кейвором ухватились друг за друга, но в следующую же секунду уже кувыркались вверх ногами. Потом я оказался на четвереньках. Лунный рассвет играл нами, как мячиком, точно хотел показать нам, ничтожным людям, что может с нами сделать Луна.

На мгновение я вновь увидел, что происходит снаружи, – там клубился пар, текла и капала полужидкая грязь. Мы падали в темноту. Я очутился внизу, колени Кейвора уперлись мне в грудь. Затем его отбросило, и несколько мгновений я лежал на спине, задыхаясь и глядя вверх. Лавина полужидкого кипящего вещества погребла под собой шар. Я видел, как по стеклу прыгали пузырьки. Кейвор слабо вскрикнул.

Теперь огромная масса тающего воздуха подхватила шар, и мы, вскрикивая и бормоча проклятия, покатались под откос к западу, перепрыгивая через расщелины, срываясь с уступов, все быстрее и быстрее, в раскаленную, белую, кипящую бурю лунного дня.

Цепляясь друг за друга, мы катались по шару вместе с тюком багажа. Мы сталкивались, сшибались головами и снова разлетались в разные стороны с фейерверком искр в глазах! На Земле мы давно раздавили бы друг друга, но на Луне, к счастью, наш вес был в шесть раз меньше – и все обошлось благополучно. Я припоминаю ощущение неудержимой тошноты и сильной боли, будто мозг перевернулся у меня в черепе, а затем...

Что-то шевелилось у меня на лице, словно тонкие щупальца трогали мои уши. Потом я обнаружил, что яркий блеск ослаблен надетыми на меня синими очками. Кейвор наклонился надо мной, я увидел снизу его лицо; глаза его также были защищены синими очками. Дышал он порывисто, и губа у него была рассечена в кровь...

– Ну что, лучше? – спросил он, обтирая кровь рукой.

Все вокруг качалось, но это было просто головокружение. Кейвор закрыл несколько заслонок в оболочке шара, чтобы скрыть меня от прямых лучей солнца. Все вокруг нас было залито ярким светом.

– Бог ты мой, – задыхаясь, выговорил я, – ведь это...

Я повернул голову, чтобы посмотреть наружу. Ослепительный блеск сменил мрачную темноту.

– Долго я лежал без чувств? – спросил я.

– Не знаю, хронометр разбился. Должно быть, недолго, мой дорогой, но я очень испугался...

Я лежал молча, стараясь вдуматься в случившееся. На лице Кейвора еще отражалось пережитое волнение. Я ощупывал рукой свои ушибы и вглядывался в его лицо. Больше всего пострадала у меня правая рука, с которой была содрана кожа; лоб тоже был разбит в кровь. Кейвор подал мне немного подкрепляющего средства, которое он захватил с собой, – я забыл, как оно называется. После этого я почувствовал себя лучше и начал осторожно шевелить руками и ногами. Вскоре я мог уже разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.